

— Мне она не нравится... От неё исходит странная аура.

Оммания покачала головой, теребя подол своего платьяца; её ножки, не достававшие до пола, мерно раскачивались.

Эшли замерла с ножом в руках, но, помедлив лишь секунду-другую, продолжила шинковать овощи.

— А что это за аура, как ты думаешь?

— Гм... Мне кажется, она чем-то похожа на божественную силу.

— Божественную силу?

Агата — преподаватель в Академии Посланников Богов, наличие у неё божественной силы было делом совершенно обычным. Но если это божественная сила, то она должна принадлежать Богу Света.

В таком случае, она ничем не отличалась бы от той, что наполняет храмы. Но почему тогда, находясь в храме, Оммания не чувствовала дискомфорта, а в присутствии Агаты — почувствовала?

Если бы это была сила другого Божества, Агата не должна была ощущать отторжения, точно так же, как она не противилась силе Пусике.

Неужели... эта сила противостоит Богу Света?

Размышляя об этом, Эшли покачала головой, решив, что слишком много на себя берет.

К тому же Оммания ещё совсем мала. Возможно, когда она подрастёт и научится точнее различать чужую божественную энергию, станет ясно, что всё это было лишь недоразумением.

За короткое время Эшли успела приготовить ужин: жареную ветчину с картофельным пюре.

Это было любимое блюдо Эшли, да и готовилось оно проще всего.

— Ну вот, ужин готов.

Однако, когда Эшли поставила тарелку перед Омманией, девочка покачала головой:

— Мне не нужно есть.

Эшли удивленно распахнула глаза, но тут же вспомнила: когда та сама была Божеством, еда ей действительно была не нужна.

Неужели Божествам не требуется пища даже в детстве? Она уже начала забывать такие вещи.

— Ну хорошо. Если вдруг захочешь попробовать человеческой еды, просто скажи мне.

Эшли принялась за ужин в одиночестве, а Оммания сидела напротив и молча наблюдала за ней.

Прошло немало времени. Доев последнюю порцию, Эшли с довольным видом сделала глоток апельсинового сока.

Раньше, будучи Божеством, она никогда не ела и не испытывала никаких человеческих потребностей. Но теперь, став человеком, она обнаружила, что все эти привычные вещи приносят удивительное удовольствие.

Например, еда — она оказалась такой вкусной.

Когда Эшли закончила прибирать посуду, девочка всё так же тихо сидела на стуле. Эшли опустилась на место напротив.

— Если я буду растить тебя, потребуется ли на это столько же времени, сколько обычному человеческому ребёнку?

Оммания покачала головой:

— Мне достаточно достичь Озарения в некоторых вопросах, и я мгновенно стану взрослой.

Это удивило Эшли. В конце концов, когда она растила Дитя Несчастья, у неё ушли сотни лет, чтобы превратить кроху в юношу.

Миры разные, способы взросления Богов тоже... Что ж, пускай будет так.

— Значит, если завтра ты достигнешь Озарения, то превратишься в прекрасную девушку?

Оммания кивнула, подтверждая слова Эшли. Та же невольно задумалась: если это произойдёт, как она будет объяснять соседям, что ребёнок вырос за одну ночь?

Словно прочитав её мысли, Оммания пояснила:

— Люди не способны постичь волю Божества. Их разум сам найдет наиболее подходящее объяснение моему существованию.

— А если Озарение так и не придёт?

Оммания отрицательно качнула головой, отмечая такую возможность:

— Тогда он не станет Божеством.

Верно. Если Озарения нет, то человек ничем не отличается от обычных людей, а значит, и права называться Божеством у него нет.

При этой мысли Эшли снова невольно вспомнила о том самом неудачливом ребёнке, которого она воспитывала.

Может, он был настолько невезучим, что на одну только стадию роста у него ушли столетия?

Вполне возможно. Всё-таки он — Дитя Несчастья.

Эшли опомнилась. Ей показалось, или в этот миг Оммания стала говорить более бегло, а её черты лица — чуточку взрослее?

— Видишь, это и есть воля Божества.

Ей не показалось.

Оммания действительно росла с поразительной скоростью. В одно мгновение из двух-трёхлетнего ребёнка она превратилась в пяти-шестилетнюю девочку, и даже заминки в речи исчезли.

— Раз так, то, боюсь, мы... Ох, ты очень скоро сможешь вернуться в Наэрмику.

Вернуться туда, где Оммания родилась.

Услышав это, Оммания с недоумением посмотрела на Эшли:

— Мама, а ты разве не поедешь со мной в Наэрмику?

Эшли покачала головой:

— Наэрмика — прекрасное место, но мне там не место. Если однажды ты вернёшься туда, захвати с собой какую-нибудь мою вещь. Пусть она будет напоминать тебе о маме Эшли.

Оммания осталась в замешательстве. Она, казалось, не могла понять, почему человек может не хотеть жить в богатой и прекрасной Наэрмике.

— Мама, у меня есть вопрос, который я давно хотела задать.

Эшли положила руки на стол и кивнула, разрешая говорить.

— Если бы я не родилась, как, по-твоему, Бог Света мог бы полюбить тебя?

Этот вопрос застал Эшли врасплох. Она не стала спешить с ответом, сделала ещё глоток апельсинового сока и посмотрела на Омманию.

Та смотрела на неё в ответ своими прекрасными, сияющими глазами.

Эшли снова приложила к стакану, затем поставила его на стол. Оммания продолжала ждать ответа.

Эшли сделала ещё глоток... Оммания протянула ручку и сама забрала у неё стакан.

— Мама... ты не отвечаешь.

Нужно признать, Оммания была умной девочкой: она быстро научилась использовать свою детскую непосредственность, чтобы разжалобить Эшли.

Оммания хлопала своими большими глазами, глядя на Эшли с самым жалостливым видом.

Эшли наконец поставила стакан и, глядя на девочку, улыбнулась:

— Сейчас размышлять об этом уже бессмысленно... К тому же я не думаю, что Бог Света мог бы полюбить меня.

— Почему ты так в этом уверена?

Эшли посмотрела на Омманию и усмехнулась:

— Дитя моё, я всего лишь человек.

Оммания не поняла:

— А что такого в том, что ты человек? Разве Божества не выглядят так же, как люди?

Эшли с изумлением взглянула на Омманию — вот уж воистину, устами младенца глаголет истина.

— Потому что свет нисходит на всех людей, а не только на меня одну. Прости, но я просто не могу представить, какой повод мог бы заставить Бога Света выделить именно меня.

<http://bllate.org/book/18502/1777524>